

Однолюб и проститутка

Фонари стояли в рост жирафа,
в провода укутывая шеи,
как в шарфы, – ионные траншеи,
а под ними, возле «Телеграфа»,
два из мрамора холодных монолита,
столь холодных, что эфир морозен –
стынет даже огненная осень
и на метры промерзают плиты:
до корней железных фонарей,
до молекул самых мелких трещин.
Чтобы мрачно не смотреть на вещи,
надо время чувствовать острее...

...Мы стоим недвижно под дождём
не хотим и ничего не просим:
Нимфоманка и святой Амвросий –
Рубикона мы не перейдём.

Рапсодия ноября

Прикурив от звёзд,
 посмотрю на часы,
в облаке белом туманном
 листопад свои шевелит усы,
 улыбается пьяным.

Я стоял на ветру –
 до костей продрог
в куртке замшевой бежевой.
 Надо мною небо и мрачный рок,
 а я добрый, вежливый.

И горел ТЦ,
 в тень А.С. ушёл.
Шевелилась на кудрях бронза...
 Всё у нас с тобой будет хорошо,
 моей жизни роза!

Не умрём одни,
а сгорим огнём,
ты сожжёшь меня. На исходе я!
 Будет лето поэта, остынет в нём
 ноября рапсодия!

Соловьи прилетят,
 свою песнь заведут
под секирою – лунным лезвием.
 Голова падёт в травяной батут,
 в вечера нетрезвые.

Город этот мой
и моя страна.
Обманул. Не курю я вовсе.
Лишь в озябшем парке звенит струна –
там играет осень.

Взгляд на улицу в пять утра ...

1.
Открыл окно.
Взгляд, соскользнув с ресниц,
разбился оземь –
съеден тьмой и жалок.
В насадно воющей работе «поливалонок»
все покрывалось брызгами луны:
щиты рекламы, клумба,
липа.
Серебряные капельки прилипли
к чулкам со стрелкой юной проститутки,
сверкая жаром капельных кирас,
вбивая мусор по краям дороги.
И, девушки оглядывая ноги,
седой фонарик головою тряс.
И конус света жёг её колени!

Ей нелегко давалось ремесло.

2.
Открыл окно.
Прохладой задохнулся,
густея в альвеолах, кислород:
при -200 синие кристаллы –
ему ль бояться утра холодов?!
Таким же точно цветом
горизонт
курил его
за зданием «госбанка»,
и нервно ждал восхода солнца он,
меж небом и землей
в тиски зажатый.
И вышеупомянутая
клумба
во сне своем вздымала к небу грудь,
покрытую зеленой майской шерстью,
и, шевеля нежнейшие травинки
в разлитом вдоволь лунном серебре,
казалась нежной женской железой,
не стиснутой корсетом тротуара
в тугие и холодные доспехи
ребристой плитки, серой чешуи.

Её пробить могли бы лишь титаны,
и рвань краев засаживать цветами –
не кровью вовсе: желтым, голубым.

Ах, как дышало дивно это утро!
Дышало все живое, но не камни.

3.

Открыл окно. Листы сосновых рам
обсыпали трехлетней белой краской.
Читая книгу улицы с утра,
как тексты Шиллера: немного вязко –
я сбрасывал с волос седую пыль
на сине-перламутровое небо.
Куда исчез вчерашний юный пыл?
Туда исчез, где я не буду, не был...
Но Бог везде. В событиях и вещи,
в пространстве, искривленном донельзя.
Он видит все. Сирени запах вещей
в сознание врывается, скользя
по рамам, подоконникам и крышам,
срываясь вниз – какая глубина!
Умолкло все. И тише. Тише. Тише.
Рот улицы сковала тишина.
Но площадь Перекальского трамваи
раскатами затопчут через час.
Немногие маршрутчики, зевая,
в заржавленных «газелях» жмут на газ.
И дворник, выскребая грязь лопатой,
в сырой росе по щиколотку взмок.
Темнеет банк прожилками агата.
Ещё закрыты церкви на замок.
Провалами зияют колокольни,
молчание залив в колокола.
И сладко спит вернейший богомольник –
В объятиях жена его гола.
Спят памятники всех эпох и видов,
заполнив память бронзой до краев.
И композитор пламенный Свиридов,
писатель лет военных Воробьев.
Нахмурил взор пространственный и веский
на тех врагов, кто лез на Русь с мечом,
стоял великий Александр Невский,
держа копьё натруженным плечом.
У Ленина на голове ворона
исправила нехитрые дела –
Взъерошенная серая корона
ему, убийце, очень подошла.
И Александр Сергеевич у «Драма» –
вот в честь него бы улицу назвать!..
От ветра хлопнула о раму рама.
Пора в кровать.

Пора в кровать. Пора любить, и окна
совсем закрыть, и отойти ко сну.
Счастливым быть, чтоб небо не намокло
в сочувствии к смотрящим на луну!